

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

УДК 330.8

НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ: ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ Д. НОРТА, ДЖ. УОЛЛИСА И Б. ВАЙНГАСТА «НАСИЛИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ»*

4 мая 2011 г. в рамках теоретического семинара экономического факультета прошло обсуждение вышедшего из печати русского перевода книги Д. Норты, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки» (Издательство Института Гайдара) [1]. Появление этой книги — значительное событие в научной жизни. Во-первых, исследование причин социально-экономических изменений имеет концептуальный характер и претендует на выработку нового подхода в интерпретации экономической истории, в рамках которого используются достижения институциональной экономики, политологии, социологии и других наук. Во-вторых, не вызывает сомнений актуальность книги для понимания экономических и политических трансформаций в России.

В дискуссии приняло участие более 20 преподавателей и студентов. Своими первыми впечатлениями и замечаниями поделились проф. В. Т. Рязанов, проф. Л. Д. Широкопад, ст. преп. М. В. Марков. Важным было и то, что выступили проф. Н. В. Расков и доц. Н. П. Дроздова — сотрудники Высшей школы менеджмента СПбГУ, а также проф. факультета экономики и научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге Д. Я. Травин. Обсуждение представлено в сокращенном виде, основной акцент сделан на критике.

Во вступительном слове Д. Е. Расков выразил благодарность главному редактору Издательства Института Гайдара В. В. Анашвили за приглашение участвовать в переводе книги и как автор предисловия коротко охарактеризовал основную концепцию и поставил ряд вопросов для обсуждения.

Авторы рассматриваемой книги исходят из того, что необходимость решать проблему насилия приводит к созданию института государства. За всю историю ими выделяются два типа государства, или общественного устройства: *естественное государство* и *порядок открытого доступа*. Экономическая природа естественного государства основана на ограничении доступа к экономическим и политическим ресурсам. В порядке с ограниченным доступом элита решает проблему насилия за счет ренты, доминируют личные отношения. Немаловажное значение в концепции играет выделение типов естественного государства: хрупкого, базисного и зрелого. В порядке открытого доступа основным движущим мотивом является не рента, а конкуренция, действует равноправие, в рамках которого элита подчиняется закону. Для дальнейшего обсуждения Расков предложил следующие основные вопросы: возможна ли на новом этапе развития науки синтетическая теория социально-экономического развития, которая объединит экономическую и политическую теорию, социологию и историю? Насколько этот подход перспективен, актуален, имеет эмпирические приложения? Насколько хорошо описан *переход* от естественного государства к ситуации открытого доступа?

В. Т. Рязанов поздравил всех с тем, что русский перевод книги Норты и соавторов вышел через два года после издания оригинала. Он отметил, что книгу по значимости и охвату можно поставить в один ряд с работой Джованни Арриги «Долгий двадцатый век» [2] и при этом поддержать главный замысел — разработать новый подход в общественных науках через анализ взаимодействия людей и формирующихся убеждений. Это междисциплинарный подход, который не рассматривает эконо-

* Материал подготовлен при поддержке гранта РГНФ, № 11-02-00707а.

мику и политику автономно, но возвращает марксистскую проблематику связи экономических отношений с идеологией. Вместе с тем обширный замысел книги по интерпретации всей экономической истории человечества не мог, по мнению В. Т. Рязанова, не вызвать ряд вопросов. Во-первых, существенным ограничением и недостатком работы явилось то, что она написана исключительно на материале Запада. Во-вторых, концепция авторов не дает возможности эмпирически проверить выказанные положения, нет выработанной классификации, пороговых значений — в частности, перехода от траектории ограниченного к открытому доступу. Сравнивая различные страны, по каким параметрам можно оценить степень развитости верховенства закона или степень, в которой над вооруженными силами установлен контроль? В-третьих, не совсем ясно, будет ли мир развиваться по одной логике или будет сосуществовать несколько параллельных путей развития, наконец, возможен ли, учитывая кризисы, обратный переход от порядка открытого доступа к естественному государству?

Д. Я. Травин остановился на методологии книги и двух вопросах, поставленных во вступительном слове Д. Е. Раскова. Отметил, что одна из заслуг работы состоит в том, что в ней описаны не только современное институциональное устройство многих развитых стран (Англии, Франции и США), но и сложный процесс преобразований, который привел к зарождению и постепенному становлению открытого порядка. Заслуживает внимания и концепция государства, которое понимается как результат компромисса в столкновении групп с различными интересами. Важно и то, что в теоретических построениях авторов институты зависят не столько от народа, сколько от действий, предпринимаемых элитами. Наконец, перспективным в плане методологии является объединение усилий экономиста, историка и политолога и работа на стыке различных наук.

По мнению Д. Я. Травина, переход от естественного государства к порядку открытого доступа описан достаточно хорошо (к примеру, механизм финансирования Британского флота), хотя, безусловно, общая схема является слишком упрощенной, в ней не учитываются многие альтернативные объяснения. Возможно, эта проблема решится в работах продолжателей. Рассматривая вопрос о справедливости оценки авторов в том, что Россия в последние годы, скорее, регрессирует, Д. Я. Травин предположил, что в этой области нужны дополнительные исследования, так как для понимания вектора институциональных изменений необходимо исследование реформ в России по крайней мере за прошедшие двадцать лет. В 1990-е годы, по образному выражению Лешка Бальцеровича, открылось «окно политических возможностей», были проведены реформы, затем оно «закрылось», и в 2000-е годы мы наблюдаем усиление коррупции и монопольного контроля групп с особыми интересами в нефтегазовых доходах.

Н. В. Расков отметил, что книги часто просто пополняют полки библиотеки, обсуждаемая же книга «Насилие и социальные порядки» наряду с работой Джозефа Стиглица «Крутое пике» [3] достойна того, чтобы стать настольной. Как специалист по изучению экономики России, Н. В. Расков подтвердил, что эта «книга о нас». В ней много точных наблюдений о характере поведения представителей так называемой элиты, присвоении ренты, сращивании экономических и политических интересов. Концепция естественного государства метко описывает, как сопричастность к власти открывает возможности для обогащения. В то же время позиция авторов внушает оптимизм, поскольку показывает, что рано или поздно конкуренция и желание застраховать себя от потерь в будущем заставляют элиты формировать стабильные безличные правила игры и стремиться создать порядок открытого доступа. В работе нет четкого описания взаимодействия и параллельного развития двух основных социальных порядков, как ранее отметил В. Т. Рязанов. На практике мы знаем, что вход в различные сферы бизнеса (например, доставка и снабжение потребителей газом в Европе) в экономиках с открытым доступом закрыт для компаний, представляющих естественные государства. Говоря о переходе от одного порядка к другому, Н. В. Расков отметил, что субъективный, человеческий фактор недостаточно хорошо вписан в модель, поскольку возникало ощущение, что если бы другие люди действовали и принимали решения, то все могло бы сложиться иначе. Характеризуя качество самого издания, Н. В. Расков выразил надежду, что подобные книги будут готовиться при участии научного редактора и содержать предметный указатель.

Л. Д. Широкопад отметил чрезвычайную важность преодоления того отрыва отечественной экономической науки от мировой, который наблюдался в советский период нашей истории. Ускорение процесса интеграции российской экономической науки в мировую является жизненно необходимым условием ее нормального развития, а это предполагает освоение и критическую переработку прежде всего достижений *современной* экономической науки. Одним из ее выдающихся представителей

является Дуглас Норт. Хорошо известны также имена Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста. Поэтому издание в России их книги представляется весьма актуальным и своевременным.

Книга достаточно проста для понимания, но требует времени для освоения. Преимущества демократии и рыночной экономики были давно описаны А. Токвиллем, Б. Д. Бруцкусом. Рассматриваемую работу в большей степени отличает именно подход, а не предмет исследования. Она написана на основе достижений современной науки, и не только экономической. Л. Д. Широкоград одновременно согласился и с В. Т. Рязановым в том, что в ней представлена вестернизированная история, и с Н. В. Расковым в том, что она имеет особенное, актуальное значение для России. Немаловажно, что она является и результатом поисков Д. Норты, который не примыкал подолгу ни к одному из течений, а подобно Пикассо или Стравинскому прокладывал собственную колею.

Л. Д. Широкоград разделил мнение выступавших относительно того, что книга носит во многом идеологический характер. Вместе с тем весьма непросто найти очищенную от идеологии теорию. Соглашаясь с тем, что было высказано много правильных критических замечаний, Л. Д. Широкоград со своей стороны отметил, что крупным недостатком данного издания в отличие от оригинала является отсутствие предметного и именного указателей, отчего работа несколько теряет в научной значимости.

Весьма критично выступил *М. В. Марков*. Он отметил, что в книге мало новых идей, что она идеологична и написана исключительно по англоязычным источникам, из нее трудно что-то понять о ходе самой истории. Размышляя над причинами социальных изменений, Норт приходит к старому выводу, что хорошие институты — причина успехов, плохие институты — наоборот. Но почему так сложилось, в чем причина появления хороших институтов на Западе, работа, по мнению М. В. Маркова, ответа так и не дает. Может показаться, что она посвящена экономической истории, но это не совсем так, поскольку исторические герои — императоры, папы — всего лишь персонажи. Книга по-прежнему американская по духу, т. е. очень самонадеянная, что следует уже из подзаголовка названия — концептуальные рамки всей истории человечества, но это далеко не уровень Маркса, Вебера или Дюркгейма. Общество открытого доступа — скорее не утопия, а теоретический идеал, за которым просматриваются экономическая и политическая системы США на закате XX в. и конец истории. М. В. Марков признался, что, работая над переводом, понимал, как мог чувствовать себя чех или поляк, который в 70-е годы прошлого века переводил новейшую книгу московского академика.

Н. П. Дроздова продолжила обсуждение теоретических и методологических аспектов авторского подхода. Цель книги заявлена в предисловии — разработать концептуальные рамки исследования. В намерения авторов не входило создание формальной аналитической теории и написание истории. Исторические кейсы, как и во многих других работах Норты, используются в основном для иллюстрации высказанных идей, а не тестирования конкретных гипотез. Концептуальный каркас исследования задан такими элементами, как насилие, организации, институты и убеждения (beliefs). Введение в рассмотрение «насилия» в качестве центрального параметра, объясняющего функционирование общества, является принципиально новым моментом по сравнению с предыдущими работами Норты. Однако проблеме насилия уделяется меньше всего внимания, и в этом смысле содержание книги не совсем соответствует ее названию. Кроме того, недостаточно ясны соподчиненность и логика взаимосвязей выделенных элементов. В отличие от книги Норты 2005 г. [4], где выстроена четкая логическая цепочка, — из представлений (убеждений) формируются институты, на основе институтов создаются организации, что предопределяет результаты экономической деятельности, — в обсуждаемой работе трактовка каузальных связей между элементами весьма противоречива. Например, убеждения в разделе 1.2 включены в состав институтов. В то же время утверждается, что убеждения складываются на базе индивидуального опыта в рамках культурных, образовательных и религиозных организаций, а формирование самих организаций обусловлено существующими институтами. Заметим, что в разделе 7.3 убеждения в состав институтов не входят.

Еще одной проблемой является возможность операционализации выделенных элементов. Как представляется, организации, институты, уровень насилия можно охарактеризовать количественно. Самая большая сложность заключается в исследовании представлений и убеждений, особенно в историческом контексте. Норт, Уоллис и Вайнгаст просто постулируют наличие тех или иных убеждений в тех или иных социальных порядках. Попытку реконструировать представления и убеждения предпринял известный представитель неоинституционализма А. Грейф. Норт, Уоллис и Вайнгаст горячо поддержали его подход, отмечая, что Грейф разработал мощный инструмент осмысления

того, как формируются убеждения в определенных институциональных условиях [5, с. 80]. Грейф реконструировал поведение и культурные представления магрибинских и генуэзских купцов XI в., а также институты, созданные ими для решения агентской проблемы при организации торговли на дальние расстояния. Однако анализ работ Грейфа показал, что его выводы о культурных представлениях магрибинцев и генуэзцев далеко не бесспорны и требуют серьезного дополнительного историко-фактологического и аналитического обоснования (подробнее об этом см. [5]). Н. П. Дроздова высказала предположение, что в методологическом плане было бы лучше не заранее постулировать основные характеристики, но предварительно проводить полевую работу, изучать факты, а затем уже приходиться к обобщениям. В этом смысле полезно было бы вспомнить опыт исторической школы и школы Анналов.

Таким образом, обсуждение русского перевода книги «Насилие и социальные порядки» получилось содержательным и многосторонним. Превосходные степени в адрес авторов книги и их новой концепции сочетались с весьма критическими суждениями, которые открывают различные возможности для дальнейшей работы. Новый подход на стыке общественных наук прост и выглядит многообещающим, включает такие необычные для экономистов понятия, как насилие, убеждения, институты, безличные отношения, элиты, более глубокое исследование которых может сформировать насыщенную повестку дня для будущих исследований. В то же время было отмечено, что ускользает реальная история, концепция мало поддается эмпирической проверке, ряд неявных допущений носят идеологический характер. Большинство участников семинара согласились, что, хотя книга в основном написана на примере Запада, описание естественного государства очень точно передает социальное устройство и изменения в российской экономике. Мнения разделились относительно того, насколько хорошо и понятно описан переход от одного порядка — естественного государства к другому — порядку открытого доступа, когда присвоение ренты сменяется механизмом конкуренции, а персональные связи становятся безличными и все группы одинаково исполняют закон. Практически все выступающие были едины в том, что быстрый выход перевода будет способствовать развитию новых концепций в интерпретации экономической истории и лучшему пониманию трансформаций российской экономики.

Литература

1. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
2. Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006.
3. Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: ЭКСМО, 2011.
4. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.
5. Дроздова Н. В поисках новой методологии: сравнительный и исторический институциональный анализ Авнера Грейфа // Вопросы экономики. 2011. № 1. С. 101–119.

Д. Е. Расков, доцент кафедры экономической теории СПбГУ